

Не поехать было нельзя, потому что все знали об этой его привычке, и Лу Ли тоже знал. Он уговаривал Се Цзяньвэя бесчисленное количество раз, но Се Цзяньвэй, будучи капризным юным господином, разумеется, не слушал и раз за разом продолжал сидеть там и ждать.

Впрочем, взглянув на время, Се Цзяньвэй подумал, что ему вовсе не обязательно прямо сейчас превращаться в изваяние ждущей мужа жены. Во всяком случае, Лу Ли придет не раньше десяти часов.

Жаль только, что стоило Се Цзяньвэю взять книгу и забраться с ногами на кровать, намереваясь с комфортом почитать немного, как из коридора донеслись шаги.

Кто пришел?

Он закрыл книгу и еще не успел спуститься с кровати, как дверь комнаты отворилась.

Лу Ли широким шагом вошел внутрь и, заметив, что тот все еще лежит в постели, легко улыбнулся:

— Сяо Шань сказал мне, что ты снова не завтракал?

Сердце Се Цзяньвэя ухнуло в пятки: с чего это он появился так рано? А как же договоренность о десяти часах утра? Раз он явился в такое время, разве то, что он не сидел у окна в ожидании, не расходится с образом психически неуравновешенного человека?

К счастью, реакция Се Цзяньвэя была молниеносной. Глаза его мгновенно наполнились удивлением, он вскочил с кровати, и в спешке задел книгу, которая полетела на пол — прямо обложкой вверх, где красовалось фото интервью с Лу Ли.

Лу Ли, естественно, тоже заметил эту книгу.

Се Цзяньвэй казался человеком, который дорожит ею пуще жизни. Услышав звук падения, он весь перепугался, нагнулся, чтобы поднять её, а когда поднял и заметил заломанный уголок на обложке, от острой жалости даже едва заметно покраснели глаза.

Се Цзяньвэй размышлял: развитие событий ведь получилось вполне правдоподобным, верно?

Дело не в том, что я не жду тебя у окна, а в том, что я засмотрелся на тебя до потери рассудка. И даже не на тебя вживую, а всего лишь на снимок интервью в журнале.

Се Цзяньвэй чувствовал у себя недюжинный талант к роли безумца — должно быть, потому, что некогда прислуживал великому безумному Лу·Да·Ли.

Юный господин, роняющий золотые слезинки над журналом с заломленным уголком, выглядел поистине жалостливым и вызывающим умиление.

Взгляд Лу Ли чуть потемнел, и он мягко спросил:

— Тебе нравится этот журнал?

Это был медицинский журнал, который, за исключением людей из сферы, никто бы в здравом уме не стал читать, однако Се Цзяньвэй принялся усердно кивать.

Лу Ли приблизился к нему, и голос его стал еще ласковее:

— Позже я велю принести тебе целый комплект.

Се Цзяньвэй поднял голову и поспешно произнес:

— Мне нужна только эта книга.

Потому что лишь в этой книге была фотография Лу Ли.

Лу Ли на мгновение замер, после чего снисходительно бросил:

— Хорошо.

Лицо Се Цзяньвэя озарилось улыбкой.

В конце концов, он был еще совсем юнцом, у которого и радость, и огорчение так открыто написаны на лице.

Взгляд Лу Ли упал на его изогнутые розоватые губы, и он тоже невольно улыбнулся.

— Раз ты не поел, ничего страшного, сегодня сделаем анализ крови.

Се Цзяньвэй помнил, в дневнике было записано, что он панически боится забора крови, поэтому тут же позволил своему лицу побледнеть.

Отец небесный знает, как военный стратег Се, способный с бесстрастным лицом смотреть на то, как входят белые клинки и выходят красные, заставил себя бояться крови, но в любом случае это было делом чистой силы, чистейшей воли!

Лу Ли успокоил его:

— Не бойся, все пройдет в мгновение ока.

Едва стихли его слова, как в комнату вошла аккуратная медсестра, катя перед собой медицинское оборудование.

Се Цзяньвэй явно выказал к ней отторжение и подался ближе к Лу Ли.

Лу Ли тут же обнял его и прошептал на укротившем дыхании ухе:

— Если боишься, просто не смотри.

Се Цзяньвэй целиком уткнулся ему в грудь, его сердце бешено колотилось.

И вовсе не притворялся — оно действительно колотилось. Его старик Лу был, конечно, слегка того, с придурью, но хорош собой — невероятно хорош, особенно когда изображал нежность. От этого зрелища сердце просто замирало в груди.

Лу Ли, словно успокаивая малого ребенка, легко похлопывал его по спине. В этом движении не было абсолютно ничего предосудительного, всё чинно и благородно, без малейшего намека на двусмысленность или негу.

Се Цзяньвэй подумал про себя: притворяйся, продолжай притворяться.

Затем он невозмутимо, сквозь тонкую ткань рубашки, глубоко вздохнул прямо в грудь Лу Ли, и — о чудо — благородный муж Лу слегка оцепенел.

Се Цзяньвэю стало смешно, и он уже собирался поддразнить его еще, как вдруг Лу Ли неожиданно отстранил его:

— Если не смотреть, разве не станет капельку не так страшно?

Только тут Се Цзяньвэй сообразил, что забор крови, оказывается, уже закончился...

Взглянув на след от иглы на собственной руке, он попытался сохранить хорошую мин при плохой игре:

— Пока доктор Лу рядом, я ничего не боюсь.

Доктор Лу погладил его по мягким волосам:

— Сяо Вэй такой молодец.

От этого тихого голоса Лу Ли у Се Цзяньвэя сладко защемило сердце.

Серьезный и непоколебимый господин главнокомандующий был чертовски очарователен — с

этим утверждением военный стратег Се был абсолютно согласен.

После забора крови следовали и другие плановые обследования, но Лу Ли не стал их продолжать, а вместо этого произнес:

— Сначала давай поедим, хорошо?

Вспомнив о лапше с острой говядиной, Се Цзяньвэй нахмурился:

— Не хочу есть.

— Будь послушным, — с легкой улыбкой произнес Лу Ли. — Разве можно вырасти, если не есть?

Это был еще один больной вопрос Се Цзяньвэя: он страстно хотел вырасти, обрести независимость и самостоятельность, чтобы после совершеннолетия сбежать из этого проклятого места.

Поэтому, стоило Лу Ли заговорить об этом, как Се Цзяньвэй перестал так упрямо сопротивляться. К тому же товарищ Старый Се уже проголодался до темноты в глазах, когда живот буквально прилипает к спине. Поломать комедию и поупираться можно было лишь слегка, неужто он собирался морить себя голодом всерьез?

С появлением Лу Ли завтрак совершенно преобразился.

Эти слуги отлично умели подстраиваться под обстоятельства: за глаза они измывались над юным господином, но стоило появиться посторонним, как они становились образцом послушания и порядка, к которому невозможно было придраться. Если бы Се Цзяньвэй стал устраивать истерики, это лишь выставило бы их жертвами несправедливости, а его самого — вздорным капризником.

За столько лет лишь одна служанка по имени А-Цзюань была с позором изгнана.

Причиной тому послужило то, что она зарилась на Лу Ли и пыталась его соблазнить. Однако Лу Ли не клюнул на удочку, напротив, посчитав, что подобная прислуга способна испортить юного господина, он просто-напросто уволил её.

Именно благодаря подобным поступкам Се Цзяньвэй всё больше и больше предавался слепой вере в доктора Лу.

Потому что стоило доктору Лу появиться, как вся его жизнь менялась до неузнаваемости.

Хотя было трудно сказать, что конкретно менялось, но еда становилась вкуснее, ненавистные люди исчезали, а тело чувствовало себя гораздо легче.

Всё это было заслугой доктора Лу, всё это дарил ему доктор Лу.

Поэтому он любил доктора Лу, больше всех на свете любил доктора Лу.

На обеденном столе красовалась легкая, но питательная и богатая витаминами ароматная каша, в бамбуковой пароварке дымились прозрачные креветочные пельмени, от одного вида которых разыгрывался аппетит, а также тарелка аппетитных свежих побегов бамбука — идеальное сочетание, искусно приготовленное, с потрясающим вкусом, от которого слегка покалывало кончик языка.

Се Цзяньвэй от голода был способен умять три пиалы каши, но, помня о состоянии своего тела, сдержанно ограничился лишь одной.

Лу Ли наложил ему еще:

— Съешь еще немного.

Се Цзяньвэй тут же расплылся в улыбке:

— Хорошо.

Красивый юноша улыбался так ослепительно, словно утренняя заря, разливающаяся по небу, — настолько пленительно, что от этой красоты замирало сердце.

Пальцы Лу Ли едва заметно шевельнулись, и он тихо произнес:

— Когда твое состояние стабилизируется, я отвезу тебя...

Он оборвал фразу на полуслове.

Глаза Се Цзяньвэя вспыхнули:

— Доктор Лу, что вы сказали?

Лу Ли, казалось, опомнился, покачал головой и ответил:

— Ничего.

Се Цзяньвэй не хотел отступаться:

— Я слышал, как вы сказали: «Когда мое состояние...»

Лу Ли улыбнулся и перебил его:

— Когда твоё состояние стабилизируется, я скажу твоим родителям, чтобы они отвезли тебя...

— Не надо! — Се Цзяньвэй крепко нахмурился. — Я не хочу их видеть!

Лу Ли на мгновение умолк, а затем сменил тему:

— Съешь ещё каши.

Се Цзяньвэй посмотрел на пиалу с кашей, и его утонченное личико выразило крайнюю степень душевных терзаний.

Доктор Лу лично наложил ему кашу, и поесть вроде бы хотелось; но стоило вспомнить о родителях, как аппетит пропал напрочь, и есть расхотелось.

И что же делать?

Лу Ли позвал его:

— Сяо Вэй?

Стоило ему подать голос, как мысли и чувства Се Цзяньвэя целиком и полностью сосредоточились на докторе Лу. Разумеется, он уплел всё до последней ложки.

После завтрака наступило время планового осмотра. Когда Лу Ли прикладывал фонендоскоп к груди Се Цзяньвэя, тот невольно сжался.

Лу Ли спросил:

— Холодно?

Се Цзяньвэй тут же выкатил грудь колесом:

— Ни капельки!

Тело юноши было хрупким и изящным, в тонких белых одеждах оно почти не скрывало выступающие бугорки на груди. Сейчас, когда он выпятил грудь вперед, они и вовсе предстали во всей красе, словно созревшие для сбора плодов фрукты, торчащие так дерзко, что от одного взгляда пересыхало в горле.

Взгляд Лу Ли потемнел, а кадык едва заметно дернулся.

Се Цзяньвэй, конечно же, делал это намеренно — ему не терпелось узнать, до каких пор его доктор Лу намерен строить из себя святошу.

Однако доктор Лу обладал железной профессиональной этикой: рука, державшая фонендоскоп, была тверда как скала, и никаких лишних вольностей он себе не позволял.

Тогда Се Цзяньвэй сам слегка качнулся, так что мембрана фонендоскопа вскользь задела то самое место.

Се Цзяньвэй издал тихий стон, и рука Лу Ли резко замерла.

Атмосфера мгновенно накалилась до предела. Се Цзяньвэй невольно облизал нижнюю губу, и голос его прозвучал донельзя мягко:

— Доктор Лу?

Лу Ли резко пришел в себя и поспешно убрал фонендоскоп.

Се Цзяньвэй поинтересовался:

— Осмотр окончен?

— Да, — ответил Лу Ли.

— Есть какие-то проблемы?

Доктор Лу промолчал.

Се Цзяньвэй, сдерживая улыбку, окликнул его снова:

— Доктор Лу?

Лу Ли взял себя в руки, и голос его прозвучал абсолютно ровно:

— Сейчас сделаем эхокардиограмму.

Се Цзяньвэй похлопал ресницами и спросил:

— У меня с сердцем...

— Не переживай, это просто плановый осмотр, — успокоил его Лу Ли.

Для человека из межзвездной эры понятия вроде эхокардиограммы были темным лесом, ведь подобные приборы безнадежно устарели — настолько, что успели превратиться в ископаемые.

И впрямь приходится пожалеть Лу Ли, раз он умудрился откопать такую древность.

В обычных условиях подобные обследования проводили медсестры, но по какому-то наитию Лу Ли не впустил никого. Он сам прикатил аппарат и жестом велел Се Цзяньвэй лечь на кровать.

Се Цзяньвэй послушно подчинился, не сводя с него пары прекрасных глаз.

Лу Ли невозмутимо приподнял его тонкую одежду и с удовлетворением лицезрел именно то, что и рассчитывал увидеть.

Только теперь Се Цзяньвэй сообразил, что этот осмотр обещает быть весьма оригинальным.

Лу Ли бросил лишь один беглый взгляд и отвел глаза. Доста С небольшого пузырька, он выдавил немного полупрозрачной жидкости:

— Гель холодный, не шевелись.

Се Цзяньвэй послушно отозвался:

— Я не боюсь.

Лу Ли одобрительно улыбнулся ему, после чего выдавил контактный гель прямо себе на ладонь и начал растирать его по груди Се Цзяньвэя.

При УЗИ всегда использовали подобное средство — оно было необходимо для того, чтобы датчик плотнее прилегал к телу, обеспечивая максимальную четкость и ясность изображения.

Как правило, врачи наносили гель непосредственно на сам датчик, а не мазали кожу пациента руками, но Лу Ли использовал именно собственные пальцы.

Ледяная жидкость внезапно коснулась груди, и Се Цзяньвэй целиком задрожал от неожиданности.

Следом за этим пальцы Лу Ли принялись нежно разминать кожу на груди: липко, прохладно, но в то же время горячо. Се Цзяньвэй, человек бывалый, разве мог вынести подобное? Он и притворяться перестал, в его голове тут же зароились самые фривольные мысли.

По сравнению с ним Лу Ли выглядел куда более собранным: он старательно распределял гель, а взгляд его оставался сосредоточенным и чистым.

Только вот, доктор, если вы и вправду не имеете никаких задних мыслей, перестаньте уже лапать меня как попало, ладно?!

Распаленный его действиями Се Цзяньвэй испытывал невыносимый жар, однако этот негодяй

вдруг убрал руки и принялся за дело всерьез.

Эхокардиограмма длилась долгих двадцать минут.

К тому моменту, как всё было кончено, в штанах Се Цзяньвэй уже вовсю наблюдалась бурная реакция.

Лу Ли тем временем вытер руки и поднялся, собираясь уходить.

Но разве Се Цзяньвэй позволил бы ему уйти?

— Доктор Лу, — он ухватил его за полу халата.

Лу Ли обернулся:

— Осмотр окончен, ничего критичного, в этот период тебе...

Лицо Се Цзяньвэй пылало алым румянцем, а голос мелко дрожал:

— Доктор Лу...

Лу Ли сжал тонкие губы и спросил:

— Что такое?

Се Цзяньвэй подумал про себя: ну посмотрим, до каких пор ты продержишься.

Его дрожащие пальцы скользнули вниз, пытаясь коснуться собственного тела:

— Мне... мне так...

Эта картина подействовала на Лу Ли так, словно его жарили на медленном огне: он не смел двинуться с места, но внутри все невыносимо полыхало.

С обиженным и одновременно наивным выражением лица Се Цзяньвэй пролепетал:

— Мне здесь так плохо.

На нем и так было надето совсем немного, а тонкая, словно шелк, одежда облегла фигуру так тесно, что не только выступающие соски на груди, но и состояние ниже пояса проступало во всей красе.

В глазах Лу Ли царила непроглядная тьма. Наконец он медленно произнес:

— Ничего страшного, это нормальная реакция.

— Доктор Лу, — ресницы Се Цзяньвэй были влажными от выступивших слезинок. — Что мне делать?

Как поступить?

Тонкие губы Лу Ли едва заметно дрогнули, а рассудок в голове, словно оборвавшаяся воздушная змейка, улетал всё дальше и дальше.

Се Цзяньвэй слишком хорошо знал его и понимал: Лу Да Ли наверняка уже давным-давно стоит наготове.

Вот только на черта этот негодяй всё еще ломает комедию? Хватит уже терпеть, наслаждайся давай!

— Я помогу тебе, — наконец произнес Лу Ли.

Сердце Се Цзяньвэй трепетало: то, что должно было оставаться твердым, стало еще тверже, а то, что расслабилось, затрепетало пуще прежнего.

Рука Лу Ли обжигала. Стоило ей накрыть его, как Се Цзяньвэй зашлся в крупной дрожи.

Тело юноши было чувствительным и хрупким, и стоило Лу Ли совершить всего несколько движений, как Се Цзяньвэй кончил.

После этого Се Цзяньвэй пребывал в некотором тумане. Он полагал, что Лу Ли продолжит, но этот тип неожиданно поднялся и направился напрямик в ванную.

Совсем одурманенный Се Цзяньвэй позвал:

— Доктор Лу?

Голос Лу Ли донесся глухо, словно издалека:

— Отдохни пока.

Слушая шум льющейся в ванной воды, Се Цзяньвэй мысленно застыл: «...»

Даже после холодного душа он не стал трахнуть меня? Что за бред, неужто это не тот самый развратный демон, которого он знал?

Доктор Лу поистине был великолепным врачом: с таким воодушевлением и пылом помогая пациенту решить деликатную проблему, сам он при этом не позволил себе ни единой лишней вольности.

Но разве Се Цзяньвэй собирался упускать его? Едва тот вышел, он тихонько спросил:

— Доктор Лу, то, что было только что...

С этими словами он покраснел, а на его безупречном лице читались и тревога, и нескрываемое ожидание.

Лу Ли ответил:

— Чуть позже я подготовлю для тебя материалы по этой теме, считаешь, просветишься.

— ... — Се Цзяньвэй мысленно выругался: «Просветись сам!»

Впрочем, в его голове тут же мелькнула искра, и родился новый план. Се Цзяньвэй робко поинтересовался:

— Доктор Лу, а можно мне ваш личный номер телефона?

— Если возникнут какие-то вопросы, управляющий Сунь своевременно свяжется со мной, — ответил Лу Ли.

— Я хочу ваш личный номер, — упрямо повторил Се Цзяньвэй. — Если мне вдруг станет плохо, я смогу обратиться к вам напрямую, ведь... — он замялся, — некоторые вещи мне бы не хотелось доверять посторонним.

Если речь шла о тех самых процедурах, когда твердое превращается в мягкое, доверять кому-то другому и впрямь было не вариант.

Согласно правилам, Лу Ли не имел права поддерживать личную связь с Се Цзяньвэем — таковы были строгие рамки влиятельных семей, созданные главным образом для того, чтобы оградить несовершеннолетних юношей от чьих-либо дурных помыслов.

Разумеется, под этими самыми «дурными помыслами» подразумевалось в первую очередь пресловутое стремление к наживе.

Но для Лу Ли, очевидно, деньги проблемой не являлись — куда большей проблемой была мораль.

Заметив, что Лу Ли молчит, Се Цзяньвэй опустил прекрасные глаза, и во взгляде промелькнуло разочарование:

— Нельзя?

От этого едва уловимого, воздушного голоса сердце Лу Ли сделало кульбит. Опустив взгляд, он продиктовал ряд цифр.

Се Цзяньвэй обладал феноменальной памятью и запечатлел их в уме в ту же секунду.

Лу Ли добавил:

— Возникнут проблемы — пиши мне сообщения.

Будто бы донельзя обрадованный, Се Цзяньвэй бросился к нему в объятия, уткнувшись лицом ему в грудь, и проворковал:

— Как здорово, просто чудесно.

Лу Ли ничего не ответил. Опустив взгляд, он отчетливо видел белую шею юноши: из-за широкого ворота одежды открывался прекрасный вид на изгиб спины и уходящую вглубь линию талии.

Настолько пленительно, что кружилась голова.

Се Цзяньвэй потерся о него щекой и снова заговорил:

— Доктор Лу, вы такой хороший, вы лучший человек из всех, кого я встречал.

Взгляд Лу Ли качнулся, и он тихо спросил:

— Правда?

Се Цзяньвэй поднял на него чистые, распахнутые глаза:

— Правда!

Лу Ли бросил на него лишь один взгляд и тут же поспешно отвел глаза — еще секунда, и он бы поцеловал его.

Но сейчас — нельзя.

Даже несмотря на полученные контакты, когда Лу Ли собрался уходить, Се Цзяньвэй не хотел его отпускать.

Он до последнего держался за полу его халата, делая один шаг следом за каждые три, проводил из спальни на втором этаже вплоть до парадного входа и даже порывался выйти за ворота больничного двора.

Лу Ли утешил его:

— На следующей неделе я снова навещу тебя.

В глазах Се Цзяньвэя застыла тоска:

— Как нескоро... Доктор Лу, я буду очень по вам скучать...

Лу Ли улыбнулся:

— Разве кто-то скучает по врачам? Мой приход означает, что твое здоровье ухудшилось. Неужели ты не хочешь поскорее поправиться?

Он сказал это невзначай, но Се Цзяньвэй уловил в словах подтекст.

Это что же, намек?

Стоит ему выздороветь, и у Лу Ли не останется причин приходить, а значит, ему и впрямь придется сделать так, чтобы его самочувствие вновь ухудшилось.

Учитывая, что его здоровье от природы было слабым до предела, довести его до худшего состояния не составляло никакого труда.

Стоит ему разок объесться жирной тяжелой пищи, и уже на следующее утро он гарантированно не сможет встать с постели.

Закусив губу, Се Цзяньвэй решил как следует побаловать свои гастрономические пристрастия.

И действительно, на следующий день он не смог подняться с постели. Вот только странно: ночью у него не болел живот, он не бегал в туалет, но утреннее состояние напоминало картину человека, который промаялся диареей всю ночь, без сна провел до рассвета и теперь страдал от обезвоживания и изнуряющей слабости.

Се Цзяньвэй прекрасно понимал: всё это наверняка те самые настройки, которые Лу Ли навязал ему, опасаясь, что он будет мучиться от боли, однако подобное выглядело совершенно нелогично...

Да плевать на логику, раз он все равно болен, значит, цель достигнута!

Лежа в постели с удрученным видом, он даже не стал сам связываться с Лу Ли — управляющий Сунь тут же распорядился отправить за доктором Лу.

Всю эту еду они приготовили намеренно, но раньше, опасаясь приступов боли в животе, Се Цзяньвэй съедал лишь пару декоративных соцветий брокколи или ломтик редиски, оставляя остальное нетронутым, чтобы потом прислуга могла забрать это себе в качестве добавки.

Однако вчерашний Се Цзяньвэй изменил привычкам и словно с цепи сорвался: он умял цельный стейк из говядины вагю, порцию риса с угрем и ломтик ананаса с фуа-гра в придачу!

Он подчистую сожрал всю их законную добавку!

А на следующий день слег пластом — умеет же парень создавать проблемы!

Управляющий Сунь кипел от злости, а выходя из спальни Се Цзяньвэя и заметив особенно любимую тем вазу, в сердцах подтолкнул её локтем.

С громким звоном хрупкая ваза, даже упав на ковер, разлетелась на тысячи стеклянных осколков.

Се Цзяньвэй, обессиленно лежавший в постели, услышал звук и скосил глаза.

Стоило ему бросить на осколки лишь один взгляд, как его лицо ледяной коркой покрылось холодом.

Эта банда ублюдков зашла слишком далеко в своих издевательствах.

На лице управляющего Суня изобразился испуг, но на деле он чувствовал себя абсолютно безнаказанным:

— Старый слуга ослеп и по неосторожности разбил вазу. Не извольте беспокоиться, юный господин, я сию же минуту велю принести новую...

Опираясь о край кровати, Се Цзяньвэй приподнялся, и его глаза засияли холодом морозного инея:

— Мне нужна только эта.

<http://bllate.org/book/21280/2156617>